

В.И. Орлов

Независимый исследователь,
101000 г. Москва, Российская Федерация

Я не стану просить
заседательской жалости...:
К истории ареста Леонида Черткова

В статье рассматривается процесс формирования и деятельность одного из первых неформальных послевоенных поэтических объединений Москвы, так называемой «группы Черткова», в 1950-е гг. Оговариваются различия между собственно группой и более широким кругом посетителей квартиры Галины Андреевой, получившей название «Мансарда окнами на Запад». Прослеживается цепочка событий, приведших к аресту органами КГБ в январе 1957 г. лидера группы, Леонида Черткова. Впервые публикуется ряд документов, связанных с этим арестом. Раскрывается способ передачи за границу стихотворений Черткова, которые были опубликованы в начале 1958 г. в эмигрантской прессе как «стихи московского студента». В приложении приведены некоторые ранее не публиковавшиеся тексты участников группы из различных частных и институциональных архивов.

Ключевые слова: русская поэзия 1950-х, группа Черткова, Л. Чертков, С. Красовицкий, Г. Андреева, В. Хромов, А. Сергеев, Н. Шатров, политические репрессии в СССР, каналы передачи материалов за границу

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Орлов В. *Я не стану просить заседательской жалости...:*
К истории ареста Леонида Черткова // Рема. Rhema. 2020. № 4. С. 214–258.
DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-214-258

V. Orlov

Independent researcher,
Moscow, 101000, Russian Federation

I will not ask for the jurors' pity...: How Leonid Chertkov was arrested

The article examines the formation process and activities of the so-called "Chertkov's group", one of the first informal post-war poetic associations in Moscow founded in the 1950s. Differences are discussed between the group itself and a wider circle of visitors to Galina Andreeva's apartment, which was named "An attic with windows facing West". The author traces the chain of events that led to the arrest of the leader of the group, Leonid Chertkov, by the KGB in January 1957. Several documents related to this arrest are published here for the first time. They help us to reveal the method of transferring Chertkov's poems abroad: they were published in the émigré press in early 1958 as "poems by a Moscow student". The addendum contains previously unpublished texts of the group members from various private and state archives.

Key words: Russian poetry of the 1950s, Chertkov's group, Leonid Chertkov, Stanislav Krasovitskii, Galina Andreeva, Valentin Khromov, Andrei Sergeev, Nikolai Shatrov, political repressions in the Soviet Union, channels for transferring materials abroad

FOR CITATION: Orlov V. "I will not ask for the jurors' pity...": How Leonid Chertkov was arrested. *Rhema*. 2020. No. 4. Pp. 214–258. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-214-258

Я на вокзале был задержан за рукав,
И, видимо, тогда, – не глаз прекрасных ради, –
Ломовиков СНЕКА по голосам узнав, –
В локомотиве снов я плыл по эстакаде.

Леонид Чертков¹

Термин «группа Черткова» появляется довольно внезапно в первом же вопросе интервью В. Кулакова с А. Сергеевым: «Андрей Яковлевич, давайте исходить из того, что ни я, ни читатели почти ничего не знаем о группе Черткова...» [Сергеев, 1993, с. 340]. До этого лишь М. Айзенберг в своей программной статье «Некоторые другие», написанной в мае-июне 1990 г., осторожно употреблял по отношению к этому объединению определение «круг Красовицкого». Однако после интервью, а особенно после выхода тома «Самиздат века» в 1997 г., где и был приведен общепринятый ныне состав группы: Галина Андреева, Леонид Чертков, Станислав Красовицкий, Валентин Хромов, Олег Гриценко, Андрей Сергеев (иногда еще возникал «примкнувший к ним» Николай Шатров), название закрепилось.

Нельзя сказать, что оно прижилось безоговорочно. Сам Чертков в новогодней поздравительной открытке к Хромову писал в декабре 1997 г. (возможно, как раз полемизируя с только что появившимся «Самиздатом века»): «Никакой группы Черткова никогда не было. Были друзья» [Хромов, 2016]. Да и на вечере памяти Черткова, состоявшемся 30 января 2001 г. в клубе «Авторник», название это было подвергнуто критике:

Касаясь литературного лица Черткова, Найман решительно заявил, что никакой литературной группы – «группы Черткова» – не было, был просто дружеский круг, объединенный интересом к поэзии; это утверждение по просьбе ведущего вечера Дмитрия Кузьмина прокомментировали Хромов, согласившийся с Найманом, и Андреева, сообщившая, что идея литературной группы была принесена в их кружок

¹ Первый вариант стихотворения, из письма Л. Черткова к А. Сергееву 12 декабря 1957 г. (частное собрание). Слово «Cheka» записано латинскими буквами, видимо для того, чтобы пройти контроль администрации лагеря; по-русски его можно прочесть как некое загадочное «снека». В. Кузнецов, сидевший в одном лагере с Чертковым, подтверждает существование этого варианта: «Третья строка в первоначальном варианте звучала: «Ломовиков ЧК по голосам узнав», – во всяком случае, так он мне читал сразу после написания стихотворения. Сначала – молодость радикальна – мне показалось, что Чертков зря изменил эту строку, но потом я понял, что он прав. Заменяя слова, он, может быть подсознательно, решил две задачи. С одной стороны, отказался от лобовой прямолинейности, с другой – поменяв одушевленных “ломовиков” на неодушевленные “маховики”, показал, что государство – по определению – не может быть одушевленным» [Вспоминания Черткова, 2002, с. 950]. Заметим, однако, что при этой замене пропала звуковая игра: «ломовиков / в локомотиве», что делает не вполне понятным появление в стихотворении этого редкого слова.

Сергеевым, который затем в какой-то мере сумел заразить ею других; что до устоявшегося названия «группа Черткова», то, заметил Александр Левин, по воспоминаниям Сергеева оно первоначально возникло в КГБ, когда Черткова арестовывали (<http://www.vavilon.ru/lit/jan01.html>).

Подобные споры неизбежны, поскольку самоназвания у этой группы поэтов в период ее расцвета не существовало, но вряд ли продуктивны, – так ли уж важно, как ее называть спустя много лет? Тот же Хромов, не согласившись с термином «группа», в своей «самографии» «Вулкан Парнас» предложил игровое название «Круг поклонников Галки Андреевой». Придумано хорошо, но круг поклонников был явно шире группы, шире даже, чем число посетителей ее квартиры на шестом этаже дома № 8 по Большой Бронной, которую называли «мансарда окнами на Запад» по строке из стихотворения Петра Орешкина², одного из посетителей этой самой «мансарды».

Поскольку «мансарда» стало вторым по популярности названием «группы Черткова», просто ради порядка попробуем разграничить эти понятия.

В архиве Г. Андреевой отложились подборки стихов и некоторые отдельные стихотворения поэтов, посещавших «мансарду»: Михаила Курганцева (Грисмана), Александра Орлова (автора «Нет, не нам разряжать пистолеты...»), Андрея Трасковского, Игоря Резголя, одноклассника С. Красовицкого, Левана Хаиндравы (брата поэтессы Лидии Хаиндровой, уже вернувшейся к тому времени в СССР из Китая), Алексея Дадьянова, Семена Флейшмана (под псевдонимом Моисеев), Эдуарда Синицына. Этот список следует дополнить фамилиями «творческих личностей» разнообразных направлений из «самографии» Хромова с его же краткими характеристиками: безудержный каламбурист Вадим Крюков; Генрих Штейнберг, будущий академик и директор Института вулканологии; две замечательные Галки – Галина Васильевна Чиркина, ставшая известным ученым-логопедом, и Галина Владимировна Грудзинская, переводившая Фрейда и Гессе; математик Николай Вильямс; два Миши – Ландман и Ярмуш, и еще Марат Векслер (Картмазов) – то ли психиатры, то ли поэты; технарь и полиглот Борис Стрельцов; из художников бывали Игорь Куклес, Александр Харитонов, Дмитрий

² Не путать с поэтом 1920-х гг. Петром Орешиним. Петр Петрович Орешкин (1932–1987) окончил в 1962 г. Московский литературный институт, сотрудничал с журналом «Техника – молодежи», работал ассистентом режиссера на студии Мосфильм. Упоминается в «Хронике текущих событий» (выпуск 32 от 28 июня 1974 г.): во время визита в Москву президента Никсона он был принудительно госпитализирован в психиатрическую больницу № 15. Эмигрировал в Италию (не позднее 1980 г.). Умер в Риме.

Плавинский. Упоминаются Хромовым также Сергей Чудаков и Дмитрий Авалиани. Если мы прибавим уже упомянутого П. Орешкина и еще не упомянутых, но важных персонажей – Игоря Можейко, Никиту Кривошеина, Наталью Горбаневскую, Александра Дольберга и Бориса Ерасова, то получим (собственно с «группой Черткова») не менее 30 человек постоянных посетителей.

Между тем группа Черткова исчерпывается 5–6 фамилиями. Значит, какой-то отбор произведен – кем? Временем? Обстоятельствами? Попробуем разобраться, как возникла «мансарда» и к какому времени там сформировалась «группа», для чего, как всегда, следует начать с самого начала.

Галина Андреева поступила в Московский государственный педагогический институт иностранных языков (МПИИЯ) в 1952 г.:

На первом курсе института на комсомольском собрании обсуждали мои стихи и нашли их безыдейными. Видимо, было такое поветрие, был конец 1952 года. <...> На собрании к безыдейным стихам добавилось, что меня видели в коктейль-холле³ и что я люблю Вертинского. Постановлено было: стихов не писать, в коктейль-холл не ходить. <...> Через несколько дней Игорь Можейко, легкий и общительный человек, которого знали на всех факультетах, сказал мне, что в институте есть литобъединение, куда мне и надо пойти. Получалось, что таким образом писание стихов можно легализовать [Андреева, 2000, с. 6].

Итак, первая фамилия из круга Андреевой: Игорь Можейко (будущий фантаст Кир Булычев), – еще из «сталинского призыва», зачисленный в иняз, когда предполагалось, что выпускники переводческого факультета станут ни больше ни меньше, как разведчиками.

Леонид Чертков, который в ту пору был завсегдатаем коктейль-холла, Андрееву там не встречал, – судя по тому, что сама она не помнит, как они познакомились. Возможно, его привел на Бронную Н. Кривошеин, как вспоминал Хромов:

Вероятно, сразу завсегдатаем верхотуры стал Никита Кривошеин, внук председателя правительства Юга России (1920), сын участника французского Сопротивления. Наш ровесник <...> в 1948 году приехал из Франции, учился с Галкой в «Инязе» [Хромов, 2016].

³ «Коктейль-холл» был расположен на ул. Горького, д. 8. Весной 1954 г. началась кампания за его закрытие (см., например, статью Евг. Мара, Б. Пасхина и Г. Ульянова в «Вечерней Москве» 3 апреля 1954 г. «О жующих соломинку»), в результате чего в конце 1955 г. он прекратил существование. Заметим в связи с этим, что подзаголовок «На закрытие московского коктейль-холла» к отрывку из поэмы «Итоги», опубликованному (без указания авторства) в книге «Поиски правды. Оппозиционные стихи советских поэтов» (Мюнхен, 1958), несомненно, не является авторским.

Эта версия косвенно подтверждается самим Кривошеиным:

Я его знал задолго до его ареста. Я познакомился с ним при жизни товарища Сталина еще. Осенью 1952 года. Тогда молодые люди были отчасти и из института иностранных языков. Покойный Андрей Сергеев, потом был Красовицкий, Галина Андреева, Дольберг был, все, что потом стали называть «окололитературной средой». И Чертков был, да (из интервью Н. Кривошеина в программе И. Толстого «В летаргической зоне»: Памяти Леонида Черткова; радио «Свобода», передача «Поверх барьеров» (www.svoboda.org/a/24200437.html)).

В любом случае, к марту 1953 г. Чертков был для Андреевой уже «своим»:

В начале марта 1953 г. шли мы поздно вечером по Тверскому: Лёня, я и еще двое друзей. От памятника Тимирязеву начиналась очередь, тянувшаяся через весь бульвар. «Встанем», – предложил Чертков. За час с лишним мы не продвинулись ни на шаг. Было очень холодно, и все решили отправиться на Арбат. В полупустом кафе выпили коньяку. На следующий день меня вызвали в комсомольский комитет, и тот же деятель, что прорабатывал меня на собрании, выговаривал мне, как же это в такой день мы посмели идти в кафе. Я оправдывалась: «Замерзли, решили согреться». Конечно, потом мы долго обсуждали, кто бы мог за нами следить, а Лёня заметил: «Надо было сказать, что это были поминки» [Андреева, 2000, с. 8].

Следующим участником группы стал Андрей Сергеев, перешедший в иняз осенью 1953 г. из ВГИКа. Знакомство произошло через того же Можейко:

За первый-второй семестр я наслышался об институтской проклятой поэтессе Галке Андреевой. Говорили о ней гадости, знакомиться категорически не советовали. Строка «Объяснение в любви это несколько слов о дожде...» решила вопрос. Я попросил Можейку, знавшего всех, свести меня с Галкой Андреевой. Она не скрывала радости и тут же на переменке прочла одно из себя и одно из нового для меня Коли Шатрова. Пригласила к себе на Большую Бронную – в любой вечер. Ни у кого не было своей комнаты, у Галки была, в коридорной системе, угловая, на последнем этаже... [Сергеев, 1997, с. 292].

Из приведенной цитаты видно, что среди завсегдаев мансарды уже находился и Николай Шатров – недавно отчисленный с 3-го курса заочного отделения филфака МГУ. Согласно мемуарам Андреевой, при своем первом появлении Шатров прочитал стихотворение в киплинговско-гумилевском духе, начинавшееся «Я – иностранный легион...»

(автограф этого стихотворения в архиве Шатрова датирован 5 марта 1954 г.). Следовательно, Сергеев появился на «мансарде» не ранее весны того же года.

Чертков и Сергеев быстро сошлись, и той же весной 1954 г. вместе с Можейко и Ерасовым активно «троллили» редакцию «Литературной газеты». Газета стойко отбивала натиск: «Уваж. товарищи Чертков, Ерасов и Можейко! Не считая первоочередной задачей наших изд-в издание переводов Рембо, творчество которого носило в значительной степени декадентский характер, не видим необходимости в публикации Вашего письма»⁴ (частное собрание).

Летом 1954 г. четверка даже планировала совместное путешествие, однако его пришлось совершить порознь. Чертков писал Сергееву:

Обстоятельства так сложились, что поход на Карельский перешеек не состоялся, и в Ленинград я не поехал. Поехал прямо в Таллин, а оттуда на Рижское взморье, откуда и пишу. <...> 28-го <июля> придет Ерасов, и мы что-нибудь сообразим (частное собрание).

Сергеев же с Можейко проехали Ленинград–Нарву–Таллин: «Смотреть и видеть еще не умели. Что говорить, если *нам не понравилась Эстония!*» [Сергеев, 1997, с. 316].

В сентябре того же года в МГПИИЯ был переведен из реорганизованного Московского института востоковедения Валентин Хромов, тогда же появился Станислав Красовицкий:

Наша группа концентрировалась вокруг литобъединения Института иностранных языков, куда я поступил. Там был Сергеев, он познакомил меня с Чертковым, который учился в библиотечном институте, но ходил в наше литобъединение; Хромов тоже учился в инязе. Все как бы случайно, но очень точно [Врубель-Голубкина, 2014, с. 108–109].

Таким образом, группа Черткова в том виде, как принято употреблять это выражение, сложилась только осенью 1954 г. «Мы были предельно прозрачны, – писал Сергеев. – Надо думать, не только друг для друга. Очень уж на виду была наша мансарда. Невозможно представить, чтобы ею не интересовались. В своей среде мы за кого-то не поручились бы, кого-то подозревали вслух и – имели возможность потом убедиться – совсем не напрасно. Как мы ни развлекались, как ни веселились, нас не покидало разъедающее чувство опасности» [Сергеев, 1997, с. 299].

⁴ В ответе редакции случайно опущена фамилия Сергеев.

Чувство это было оправданным. Хотя недавно (весной 1954 г.) выделенный из МВД Комитет государственной безопасности еще только оправлялся от кадровых пертурбаций послесталинской поры, еще только нащупывал форму работы с «идеологическими» преступлениями и не всегда решался на прямые аресты, но уже заготавливал досье на потенциальных бунтовщиков. Материала для досье лидер группы давал более чем достаточно: «На формирование его антисоветских взглядов, как заявил ЧЕРТКОВ, оказали влияние клеветнические иностранные радиопередачи, которые он слушал в течение 1950–1952 гг., а также его связь в прошлом с изменником Родины ДОЛЬБЕРГОМ, с которым ЧЕРТКОВ систематически вел антисоветские разговоры» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31 (надзорные производства Отдела по спецделам). Д. № 77054 (Чертков Леонид Натанович).

Сам Чертков о связи с Дольбергом и другими писал в автобиографических записках:

Расставшись с институтом⁵, я твердо решил с технической специальностью больше не связываться. И покуда до новых вступительных экзаменов было далеко – я проводил время отчасти в библиотеках, выискивая английские и американские романы, переводившиеся в 30-х годах, в которых я находил что-то душевно созвучное мне и эфемерному кругу приятелей с Московского Бродвея – ценителей джаза, громко именовавшемуся (вполусерьез) Английский клуб. Клуб имел свою историю и мифологию, переплетавшуюся с коктейль-холлом (КГБ считал <его> офиц<иально> центром оппозиции), рестораном «Националь» и другими местами, где подавали что-нибудь вроде коктейлей. <...> История клуба как-то смутно связывалась с политикой, ибо глава и основатель его уже второй год сидел «за политику». Сидел и великий саксофонист Чарли и девица по прозвищу Валька-джаз, умевшая, как говорили, великолепно напевать джазовые мелодии (частное собрание).

Упомянутый Александр Дольберг так характеризует отношения внутри «клуба»:

В каких-нибудь два месяца сложился дружеский кружок из шестисеми человек – студентов разных факультетов и институтов. Что нас связывало? Во-первых, «человековедческие» интересы – от экономики

⁵ Что за институт имеется в виду, неясно. Первая жена Чертова, Т. Никольская пишет, что он «поступал в Плехановский институт, но не прошел по конкурсу» [Вспоминая Чертова, 2002, с. 935].

до живописи. Мы пытались узнать то, чему нас не учили. Шел постоянный спор и обмен сведениями, мыслями, библиографией. Недаром местом постоянных встреч очень скоро стала библиотека имени Ленина. Духовная жизнь была двойной. Для официальных целей, для экзаменов и зачетов писались сочинения на тему о разложении буржуазной культуры эпохи империализма. С другой стороны, Джойс и Хемингуэй, Андре Жид и Мориак были постоянным источником наслаждения и объектом самого пристального внимания и изучения. И так во всем. Это не могло не порождать известного цинизма, впрочем, какого-то больше теоретического. Ибо вторым связующим элементом было чувство товарищества и преданности друг другу. Мы были связаны одной веревкой не меньше, чем бандитская шайка. Ведь самой постановкой вопросов, раз и навсегда решенных в «имеющих всемирно-историческое значение гениальных трудах тов. Сталина», мы нарушали грозную 58-ую статью Уголовного кодекса. И тем не менее мы не предпринимали никаких попыток законспирировать наши отношения [Дольберг, 1958, с. 32].

Чертков же, будучи поэтом, не только не пытался что-либо законспирировать, но и напротив – выносил на публику свои «резкие до людоедства» баллады с явно антисоветским подтекстом. Еще в 1953 г. им был написан цикл «Соль земли» с посвящением Николаю Гумилёву:

*Тот салют был заслужен тобой,
Только он был похож на расстрел;
Через тридцать лет приходит другой
Тех воспеть, что ты не успел.*

(Материалы подготовки самиздатского журнала «Синтаксис». Международный Мемориал. Ф. 118 (Александр Гинзбург))

Но настоящий триумф Черткова случился как раз в 1954 г., когда он повсюду декламировал только что написанную поэму «Итоги» (*Нас всегда не хватает на эпилоги...*).

Сергеев утверждает: «как мы имели возможность потом убедиться, текст поэмы не дошел до властей» [Сергеев, 1997, с. 297]. Без доступа к материалам самого дела оспорить это утверждение трудно; возможно, именно «Итоги» и не попали в руки блюстителей идеологической чистоты, но для того, чтобы обратить на себя их внимание, достаточно было и «Соли земли». Поэтому, скорее, прав Никита Кривошеин:

И тогда он не стеснялся своего творчества. И даже своей гумилёвоподобной антисоветчины рифмованной, хорошо известной по тогдашним ругательным статьям в коктейль-холле. Единственное было такое место, где сама Лубянка собирала контру в Москве.

Он там это все декламировал. Одно место, где было чуть-чуть по-западному, где вкусные коктейли были, которое оставалось открытым до трех утра. Это и было очень удобное место в собирании и наблюдении. Так что все эти там Ленины, продекламированные анафемы, как по-французски говорится, в ухо глухому попадали (из интервью Н. Кривошеина в программе И. Толстого «В летаргической зоне»: Памяти Леонида Черткова; радио «Свобода», передача «Поверх барьеров» (www.svoboda.org/a/24200437.html)).

Литобъединение МГПИИЯ, куда ходили все члены группы, все же было официальной инстанцией, поэтому заседания лито продолжались на Большой Бронной либо даже на бульварном кольце, где происходило более открытое обсуждение. Но и на бульварах их не оставляло в покое бдительное око государственной власти. Андреева вспоминала:

Как-то мы с Лёней Чертковым долго гуляли по бульварам и продолжили беседу на скамейке около Богословского переулка. <...> Тут метафизически появился милиционер. «Я давно за вами наблюдаю и никак не пойму, что вы здесь делаете в такой поздний час?» Сначала Лёня повел себя опасно-агрессивно, но вскоре мы уже по-дружески беседовали и пригласили его заходить ко мне. Побывав на наших беседах, милиционер сказал мне: «Неужели ты не видишь, что из всех твоих друзей лучше всех Игорь Куклес? ...а вы все только выпендиряетесь и говорите о непонятном...» [Куклес, 2004, с. 38].

При такой зашкаливающей за грань разумного открытости (чтобы не сказать наивности) по отношению к власти, и специального наблюдения за «мансардой» устанавливать не пришлось. Когда 25 октября 1954 г. на Большой Бронной произошла некая, по терминологии КГБ, «оргия» (тогдашний смысл этого выражения сводился к тому, что во время обычной пьянки были допущены антисоветские высказывания), на следующий же день именно Чертков, уже известный своими стихами, был приглашен на Лубянку для беседы. Ему пришлось дать обещание «прекратить преступную деятельность»:

Я ожесточился и, не понимая истинных причин своих несчастий, стал обвинять в них не себя, а общество, я увлекся анархистскими идеями, я стал считать себя врагом всякого государства и написал цикл стихотворений под общим заголовком «Соль земли». В этих стихотворениях я воспевал отребье человечества, бандитов, дезертиров, анархистов, и противопоставлял этих людей всему хорошему и честному, что есть в жизни. Я не понимал, что этим я объективно становился в лагерь врагов советской страны... Я по сути оказался врагом

Советского государства (ГАРФ. Ф. Р8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31 (надзорные производства Отдела по спецделам). Д. № 77054 (Чертков Леонид Натанович)).

Сам он о вызове в КГБ, по-видимому, не распространялся, т.к. этот факт не упоминается ни в одном из мемуаров членов «группы», но и предупреждению не очень внял. Хотя чему-то все же научился: по свидетельству Игоря Куклеса, в курительной комнате Ленинской библиотеки Чертков «все время показывал пальцем на вентилятор – дскать, курилка прослушивается» [Ерофеев, 2005, с. 20].

Таким образом, деятельность первой московской неофициальной литературной группы послесталинской эпохи сразу была взята на заметку государством – как минимум, в лице ее лидера.

В следующий раз органы напомнили Черткову, что он по-прежнему «под колпаком», лишь в конце 1955 г., и это скрыть от ближайших друзей было уже трудно чисто психологически. «К 31 декабря у меня были готовы Зимние строфы, – вспоминал Сергеев. – Вечером у метро Арбатская я прочел их Черткову. Чертков не реагировал. Мы шли на Сивцев Вражек к Можейке встречать Новый год. Там Лёня тяжело избил непонравившегося гостя. Ночевали мы у Черткова на Собачьей площадке. Когда улеглись, Лёня сказал, что его сегодня таскали в Большой дом. Предупреждали. Угроза материализовалась. Я долго ворочался и слышал, как Лёня сквозь сон проговорил: – “Мы еще вернемся за подснежниками...”» [Сергеев, 1997, с. 319].

Памятный доклад Хрущева, по уверению всех участников группы, на них никакого впечатления не произвел. Конечно, это не вполне так: ни «Сцена из трагедии “Культ личности”» Сергеева, ни стихотворение Хромова о Сталине и обезьянке (см. с. 237) не могли быть написаны до XX съезда. Даже выдвинувшийся зимой 1955/1956 г. на роль поэтического лидера группы Станислав Красовицкий написал «Любовницу палача» со строчками *Он работает в МВД... Он работает палачом*, и стал позволять себе стихи, которые при желании можно было расценить как «поклеп на победоносную советскую армию»:

*Перейдя залив без звука,
Волоча трофей «базука»,
В управляемый полет
Краснозвездный полк идет,
Канареечка жалобно поет.
Миг, и пулею сраженный,
Вновь вставай, преображенный.
Веселей шагай, мертвец.
Пуля – дура, штык – молодец.*

[Куклес, 2004, с. 47]

Лидерство Красовицкого в ту пору признавали все. Пожалуй, только державшийся особняком Николай Шатров посмеивался, как об этом вспоминала Галина Андреева: «У С<танислава> К<расовицкого> была строчка, начинавшаяся: “Что я сжимал...”. Коля тут же вставил: “того уж не сожму”» [Андреева, 2018, с. 31]. И позднее, уже в письмах Андреевой:

Красовицкий ограничительно хорош (не ограниченно, а ограничительно). Хоть образы какие-то: «гири часов», «витают нарзанные духи» – хорошо. А «бледный хирург» – плохо и «небранный младенец» – дурной Маяковский, или О. Генри – у того где-то есть «гладко выбритая старуха» – это уже лучше... Его (С. К.) про кабак: «Кто там с лицом побелевшим» – симуляция шизофрениады. Подделка под настоящую трудную болезнь, и Глазков неожиданно проглянул...» [Там же, с. 33].

Неожиданно – прежде всего для себя самого – к критике Красовицкого присоединился Сергеев:

Не знаю, что на меня нашло. Вдруг подумалось: а стихи у него корявые. Чужие слова – торчат. Рифмы хромают. Целые строки – строкозаполнители. Много Мандельштама и обериутов. Образы разношерстные, плохо увязаны между собой и т.д. К обсуждению я был уверен – стихи никуда не годятся. И сказал это не в доверительном разговоре, а вслух перед врагами [Сергеев, 1997, с. 321].

Несмотря на примирительные (сказанные уже после обсуждения) слова Красовицкого, какая-то трещина пробежала в монолите «группы».

Тем временем, по свидетельству Хромова, в первом, готовящемся к осени 1956 г., сборнике «День поэзии», намечалась подборка – Красовицкий, Чертков, Хромов, Сергеев:

Протаскивал ее Слуцкий. Звонил и радостно сообщал: подборка прошла Щипачева, Кирсанова. Зарубили ее в последний момент, кажется, по приказу Суркова. <...> Семен Кирсанов ворчал, возмущался, почти негодовал: «...они даже не интересовались прохождением рукописей. Им все равно кто, в конце концов, зарубил публикацию. О чем они думают?»⁶ [Хромов, 2016].

⁶ Как отмечалось на заседании Президиума МО СП СССР 11 октября 1956 г., «День поэзии» был подготовлен и издан в рекордный срок с мая по сентябрь: «Отдавая много месяцев бескорыстного труда, над книгой работала редколлегия, состоящая из таких разных поэтов, как Антокольский и Мартынов, Кирсанов и Луговской, Хелемский и Яшин, Смеляков и Рождественский, Ошанин и критик Зиновий Паперный. Книга пересматривалась несколько раз. Каждое стихотворение, прежде чем попасть на ее страницы, тщательно обсуждалось и принималось подавляющим большинством членов редколлегии. В случае возражения даже двух членов редколлегии стихотворение исключалось из сборника» (РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 1. Ед. хр. 81).

Так что принципиальная позиция членов группы, выражавшаяся словами «ни о каких публикациях в советских изданиях не могло быть и речи», сформировалась окончательно, по-видимому, только после этой неудачной попытки. И когда стало известно, что Сергеев – человек к тому времени уже семейный и нуждающийся поэтому в заработках – печатает свои переводы из Ф. Прокоша и Р. Фроста, пользуясь поддержкой Михаила Зенкевича и Бориса Слуцкого, Чертков считал это возмутительным присоединением к «официальщине».

Некоторая обида на это «предательство» чувствуется даже в позднем интервью Красовицкого:

Первые стихи у Сергеева были очень свежие, очень приятные:

*Над городом горой мороз
Еще надолго в воздух вмерз.
И здесь – гора, и здесь – провал,
В провале пенятся слова,
И надо всем нависший камень –
Английской лексики экзамен.*

Сергеев хороший был переводчик. Но, как только появляется момент, что ты пишешь для кого-то – все, поэзия исчезает. Настоящий поэт пишет для себя. Даже если переводы. А его потянуло на заранее проходные переводы, на «солидную поэзию» (интервью с С. Красовицким 13 ноября 2015 г., архив автора).

Отношения, конечно, не прервались совсем, но во время летнего паломничества в Кижы, которое совершали втроем Чертков, Красовицкий и Сергеев, последний отчетливо ощущал, что: «Трое – это, как известно, двое и один. Я был один» [Сергеев, 1997, с. 321]. С середины лета они с Чертковым почти не общались.

Чертков же продолжал свои безрассудства:

Летом 1956 года на поэтических проводах студентов МГУ, отъезжающих на целину, он прочитал одну из своих «клипс». Чтение вызвало и смех, и гнев, и переполох в аудитории на Моховой.

*Где мчал на лошаке по сказочной излучке
Соратник Пугача воинственный Банзай,
Спасенье русской ржи – протягивают руки
Настойчивый башкир и верный кустанай.
Тебя встречает брат в Нагорном Карабахе
И шлет тебе Алтай своих косых невест.
Тебе несут хлеб-соль поджарые казахи,
Тебе дает банкет правление МТС.
Так оправдай, студент, доверие знакомых!
Откликнись на призыв и будь к труду готов!*

*Пуškai тебе дадут бумагу от райкома!
Пуškai учеником пошлут на Лихачев!*⁷

Через полгода на допросе в ГБ я услышал: «Честные поэты Е... и И... одобряют политику партии в освоении целинных земель, а ваш дружок злобно юродствует на важнейшую для страны тему. Мы этого так не оставим» [Хромов, 2016].

Осенью 1956 г. (а может быть, уже с весны) основные силы «мансарды» стали появляться в молодежном клубе «Факел». Клуб был создан в преддверии Фестиваля молодежи и студентов для общения по интересам, никакой политики там, естественно, не предусматривалось. Самой активной в клубе была литературная секция. Чертков и компания другими воспринимались не столько членами клуба, сколько приходящими старшими товарищами.

Впечатление они произвели грандиозное. Ничего прямо антисоветского в «Факеле» они не читали, но их стихотворения разительно отличались от произведенных поточным методом советских виршей, что вызывало неоднозначную реакцию у слушателей. Вот как вспоминал об их первом выступлении поэт Семен Гринберг:

На соседних стульях сидят поэты старше нас – Леонид Чертков, Андрей Сергеев, Валентин Хромов. Чертков говорит: «Я прочту два стихотворения». И читает: «Расписаны в тона религиозных сект...». Прежде чем Чертков приступил ко второму стихотворению, девочка, что читала до него, имени которой я не знал, поднялась и со словами: «Ах, вот вы какие!» – направилась к выходу. Ее не удерживали. Чертков тем же ровным голосом продолжил: «Путь от заката вел по ломкой колее...» Затем читали Сергеев и Хромов. Сергеев – свой перевод из Роберта Фроста, эффектно выделяя голосом окончания периодов: «Деньги! Деньги! Деньги!», а Хромов – такое: «Холодный день прошел по парапету...» [Юнисов, 2012, с. 32–33].

На совместном вечере клубов «Факел» и «Магистраль» Чертков даже позволил себе довольно грубо оборвать говорившего Григория Левина (который помимо «Магистралей» вел и лито в МГПИИЯ). Тот же Гринберг признается: «Меня это покорило, но душой (детской своей) я был, конечно, с Чертковым, Красовицким, Сергеевым» [Юнисов, 2016].

Несколько позабытый нами Николай Шатров позабыт в том числе и потому, что он, судя по сохранившимся стихам и письмам, большую

⁷ Имеется в виду Государственный автомобильный завод имени И.В. Сталина, только что, в июне 1956 г., переименованный в Автомобильный завод имени А.И. Лихачёва.

часть 1956 г. отсутствовал в Москве. Вернулся он поздней осенью, весь в предчувствии тревожных перемен, сочинив стихотворение «В пути»:

*Стуча железом по железу,
Мой поезд движется к Москве.
А в Будапеште Марсельезу
Поют в победном торжестве.*

*Зачем не мог я вместе с ними
Сквозь пули песню развернуть?
Стихами меткими моими
Прострелена России грудь.*

*Но чудо! Так пылает сердце,
Что расплавляется свинец.
За нас за всех поют венгерцы.
Советской музыке конец.*

(частное собрание)

До конца «советской музыки» было далеко, однако и без того резко политически настроенный Чертков стал, по свидетельству Красовицкого, подвыпив, позволять себе в «Факеле» зажигательные речи против посылки советских добровольцев на Суэцкий канал (суэцкий кризис разворачивался параллельно с венгерскими событиями). По версии Сергеева, правда, это происходило не в «Факеле», а в Московском библиотечном институте, где на собрании Чертков крикнул: «Студенты должны сдавать сессию, а не спасать царя египетского!».

«Факел» стал пустеть. Н. Горбаневская вспоминала:

Чертков и Красовицкий нашли клуб «Факел», где можно было выступать. «Пойдем с нами!», – говорят. Мы пришли, а там замок (напоминаю, уже после Венгрии, и эти «самозванные» клубы прикрыли) [Горбаневская, 2013, с. 211].

По свидетельству Мэлика Агурского, руководителя литсекции «Факела», в середине ноября 1956 г. органы фактически приставили к клубу своего человека:

Рафальский потребовал у меня список литсекции. Это совсем не было секретом, как не был тайной организацией и сам «Факел». Любой человек мог узнать его <...>. Вероятно, Рафальский хотел представить дело, которым он занимался, как трудное, но могло быть и другое. В то неопределенное время борьбы за власть ГБ вполне могла ухватиться за «Факел» и создать дутое дело [Юнисов, 2012, с. 27].

До рядовых членов секции эта информация, по-видимому, не доходила, и они еще тешились иллюзиями. На одном из все более редких заседаний была вброшена идея издавать настоящий, типографским способом выполненный, журнал «Факел». И Чертков, и Сергеев, и Красовицкий включились активно, они не только действительно принесли стихи для первого номера, но и принимали участие в отборе материалов. С. Гринберг вспоминал:

Помню, Красовицкий в пальто (он зимой ходил в пальто и без шапки) подошел к столу, заваленному бумагами, и сказал: – Ну, что вы копаетесь? Можно за полчаса отобрать. Он взял первый попавшийся листок, прочел про себя и со словами: «Это годится!» – отложил налево, затем: «А это нет», – и направо. Не отрываясь, следил я за его действиями и, когда он взял страничку с моим стихотворением, весь напрягся. – Пойдет, – обронил Стас, и я вздохнул с облегчением [Юнисов, 2012, с. 24].

Вообще, идея коллективного сборника – хотя бы самиздатского – обострилась после упомянутой неудачи с публикацией в «Дне Поэзии». Сборник, изданный в МГПИИЯ осенью 1956 г.⁸, честолюбия не удовлетворял – он был слишком мал и слишком официален, к тому же в нем не мог присутствовать Чертков, учившийся в другом институте. Хотелось большего, но не вышло: «Жаль, что у нас тогда сборник не получился, – а у меня хорошее название к нему – “Поджоги” (и резервное “Знак четырех”))» (из письма В. Хромову из лагеря, частное собрание). Возможно, именно подборки, планировавшиеся в «Поджоги» были использованы уже после ареста Черткова для подготовки другого самиздатского сборника, о чем будет сказано ниже.

Венгерские события сгладили размолвку между Сергеевым и Чертковым: «После Венгрии мы с Лёней полдня бродили по задворкам Ново-Песчаной, – вспоминал Сергеев. – Он был на пределе, говорил то ли мне, то ли себе, то ли на ветер: – Поплясать на портрете! Может, за это и жизнь отдать стоит? – Там, где поезд поближе к финской границе, – спрыгнуть и напролом» [Сергеев, 1997, с. 322].

Видимо, эхо этого разговора мы слышим в позднем четверостишии Черткова:

⁸ В первом сборнике «Наше творчество», выпущенном на стеклографе тиражом 250 экземпляров, опубликованы два перевода Андрея Сергеева: «Дрова» Роберта Фроста и «Потомкам» Бертольда Брехта, а также два стихотворения Валентина Хромова: «Лирические стихи» («Снегом на голову желтые листья...») и «Спокойной ночи» (Он ушел с улыбкой...). Редактором сборника был Игорь Можейко.

*По Ленинграду, как по льду,
Когда-то в прошлом я иду –
И кажется – ступи в залив –
Придешь в Финляндию ты жив.*

Г. Андреева свидетельствует:

После венгерских событий Чертков ждал больших перемен. Во время наших прогулок он говорил, что теперь весь этот гнусный обман должен разрушиться и все поймут, в каком зле мы жили [Андреева, 2000, с. 8].

Эмоции, владевшие Чертковым, находили выход при каждом удобном и не очень случае. «Мы с ним были <...> и Горбаневская с нами, на даче Шкловского, – вспоминал Красовицкий. – Зимой. Это любопытный эпизод. Почему Лёня предложил к нему ехать: не из-за самого Шкловского, а из-за его жены... Она же раньше была замужем за Нарбутом, которого потом утопили вместе с другими заключенными на барже, на Колыме⁹. Лёня его (Нарбута. – В.О.) любил. Из-за нее мы и поехали, с ней поговорить. Шкловский – милейший человек – угощал нас настойками. Когда уже выпили хорошо, Лёня опять взялся за свое – вместо того, чтобы про поэзию, все время болтал о политике. Серафима Густавовна, как услышала, ушла сразу. Шкловский тоже ни слова не сказал, безусловно. Видимо, понимал, что могут и прослушивать» (интервью с С. Красовицким, 13 ноября 2015 г., архив автора).

Все же не стоит говорить о том, что Черткова арестовали конкретно за высказывания в доме Шкловского или на литсекции клуба «Факел». И совсем уж вряд ли перед сотрудниками органов стояла задача «выдержать ось», на которой держалась вся компания, как предположил Сергеев в интервью Вл. Кулакову. Скорее всего, дело выглядит прозаичнее: сказалось общее ужесточение обстановки после венгерских событий (где, на партийный взгляд, тоже все начиналось с безобидных вроде бы литературных кружков), на фоне чего сработал закон накопления информации, который позже вывел Иосиф Бродский:

...на каждого месье существует свое досье, и это досье растет. Если же вы литератор, то это досье растет гораздо быстрее – потому что туда вкладываются ваши манускрипты: стихи или романы, да?...

⁹ Красовицкий пересказывает легенду, ходившую еще в 1960-е гг. Установлено, что Владимир Нарбут был расстрелян в день своего 50-летия, 14 апреля 1938 г., в период массового террора в колымских лагерях. По канве этой легенды Чертков написал рассказ «Смерть поэта» (1959), который был опубликован в парижском альманахе «Ковчег» (1978. № 2. С. 11–21).

И в конце концов ваше дело начинает занимать на гэбэшной полке неподобающее ему место. И тогда человека надо хватать и что-то с ним делать. <...> То есть когда поступает избыток информации, человека берут и начинают его раскручивать согласно ихнему преискуранту. Все очень просто [Бродский, 1998, с. 65].

Информации по Черткову у ГБ с 1954 г. накопилось более чем достаточно. Пора было раскручивать ее по полной.

В декабре 1956 г. Сергеева предупредили, что Чертков под ударом:

Я вызвонил Лёню, мы встретились. Изложил, не ссылаясь на источник. В сумерки, в снегопад мы долго ходили по центру. Я не мог отделаться от ощущения, что за нами все время следует заснеженная фигура, то женская, то мужская [Сергеев, 1997, с. 322].

11 января 1957 г. Сергееву позвонила Галина Грудзинская, одна из посетительниц «мансарды»: «Лёня не у тебя? Такой ужас! Такой ужас! Меня вызывали на Лубянку, спрашивали про Лёню. Я не знаю, что говорила. Надо предупредить, если он позвонит» [Там же]. На следующий день около семи вечера Чертков был арестован на вокзале: опергруппа ждала, когда он вернется на электричке из института¹⁰. По свидетельству В. Кузнецова, Чертков поначалу был уверен, что его привезли на Лубянку на очередную беседу, чтобы опять убеждать отказаться от вредных взглядов. Арест, несмотря на все предупреждения, оказался неожиданностью.

Постановление на арест было подписано заместителем председателя КГБ И. Савченко и заместителем генерального прокурора СССР Д. Салиным. Само дело возбуждено старшим уполномоченным 4 отделения 1 отдела 4 Управления КГБ майором Козельцевой, вторая подпись – начальника 1 отдела 4 управления КГБ майора Ф. Бобкова. Формальным основанием для задержания послужило то, что несмотря на предупреждение, Чертков продолжает вести среди своего окружения антисоветскую агитацию, в чем изобличается показаниями свидетеля Грудзинской Г.В. Было выдвинуто обвинение по ст. 58-10, ч. I (антисоветская агитация и пропаганда).

Само дело до сих пор, по-видимому, находится в архиве ФСБ¹¹, т.к. в ГАРФ оно отсутствует. Можно предположить, что в его рамках были допрошены многие посетители «мансарды», но воспоминания оставили только члены «группы Черткова».

¹⁰ Московский библиотечный институт располагался в Химках.

¹¹ Из материалов надзорного производства Прокуратуры можно узнать только его порядковый номер (429) и количество листов (351; в одном томе).

Андрей Сергеев: Допрос – из кабинета в кабинет – длится целый день. <...> О «политических взглядах»: ваши политические взгляды! Политические взгляды Черткова! И ясно было, что в основном их интересует именно Чертков. <...> Выкручивался, как мог. Какие, говорю, у Черткова политические взгляды?! У него – поэтические взгляды. И так до семи часов. <...> Антисоветская пропаганда. 58-10. На 11 вывести, на группу, им все-таки не удалось. Вызывали всех, а к Галке Андреевой следователь даже на дом ездил. Но все держались, и «группы» не получилось [Сергеев, 1993, с. 349].

Валентин Хромов: Меня стали вызывать на Лубянку. Допрашивали, угрожали. Потом, когда снова вызывали по делу Юры Галанскова¹², разговаривали гораздо вежливей. Защищал Лёню, как мог. Даже излишне эмоционально. Сам мог бы за это загреметь. Но, видно, у органов была разнарядка только на одного. Я Черткова не подвел [Андреева, 2000, с. 12].

Станислав Красовицкий: Меня вызывали на Лубянку к следователю Кремлёву. Какая-то говорящая фамилия, не уверен, что настоящая. Он и других допрашивал. Все боялись, все что-то говорили – никто не наговаривал, конечно, но на вопросы отвечали. А зачем? Было известно, что на Лубянке уже не бьют и не пытаются. Так чего бояться? Я в то время мало чего боялся, а семьи, детей у меня не было. Кремлёв, значит, начинает: «Чертков в вашем присутствии утверждал, что Великая Октябрьская революция якобы была ошибкой». Я говорю, что не помню такого. «Не помните? У нас есть средства проверить вашу память». «В таком случае, – говорю, глядя ему прямо в глаза, – этого не было». Кстати, в день ареста Черткова я купил у букиниста «Столбцы» Заболоцкого и пришел к Лёне похвастаться. Мне открыл человек в костюме, такой... коренастый. А я знал, что в этот день к Черткову приезжает отец. Но этот был слишком молодой, чтобы быть отцом. Он меня с подозрением оглядел и говорит: «Леонида Черткова сейчас здесь нет». Видимо, в это время у Лёни уже шел обыск (интервью с С. Красовицким, 13 ноября 2015 г., архив автора).

Отец Черткова, Натан Александрович, на самом деле вернулся в Москву из Заполярья в ночь с 13 на 14 января. Он трижды обращался в Прокуратуру СССР к начальнику отдела по надзору за следствием в КГБ В. З. Самсонову. Первый раз – 29 января 1957 г., с жалобой на то, что до сих пор не может выяснить, за что арестован сын и в чем он обвиняется. 1 февраля Самсонов фиксирует ответ: «Сообщено по телефону,

¹² Имеется в виду дело Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой (или «Процесс четырех») 1967 г.

что до окончания следствия никаких сведений дать не можем». 9 марта, в связи с тем, что максимально установленный срок следствия подходит к концу (тогда он был два месяца) отец просит обязать закончить следствие и сообщить ему о выдвинутых против сына обвинениях. Срок следствия, естественно, продлили, но ненадолго, до 1 апреля. Наконец, 4 апреля, уже после предъявления обвинительного заключения, но до суда, отец просит предоставить ему и матери, Чертковой Елене Федоровне, свидание: «Прошу Вас учесть, что сын мой был арестован 12 января, буквально накануне моего приезда с Севера в ночь с 13 на 14 января. До этого я сына не видел полгода». Резолюция Самсонова на этом заявлении: «Отказано на приеме. 4.04.57»

Следователь Г. Кремлёв, доставшийся Черткову, был недавно переведен в Комитет из МВД, и с виду казался обычным советским чиновником, считающим, что просто занимается профилактикой вредных настроений. В лагере Чертков цитировал слова Кремлёва: «Скажите мне спасибо, что мы вас сейчас арестовали, пока вы ничего не натворили». Но, возможно, он был умнее, чем казался.

Закончив допрос, он начинал разговоры на отвлеченные темы, продолжавшиеся иногда по часу и более. Лёня рассказал, что, спасаясь от ничегонеделания в камере, решил сочинить басню, где в качестве персонажей выступали бы не обычные животные, а ископаемые. ...Во время одной из таких отвлеченных бесед он прочитал ее следователю. Тот очень смеялся, попросил продиктовать ее и записал в записную книжку [Вспоминая Черткова, 2002, с. 946].

Вот эта басня:

*Игуандона выбрали в райком тайком.
Его критиковал Ихтиозавр, сказав:
– Плезиозавр тебя не утвердил.
Вот вам мораль! Вот вам вердикт!
Но честный Диплодок, как представитель масс,
Сказал: – Плезиозавр чернит рабочий класс,
Он позабыл, что был простым рабочим парнем,
Плезиозавр теперь – кутила и ударник,
С райкома помощью и помощью жены
Теперь надеется прорваться в журбины.
И вняла Партия, и был Плезиозавр смещен,
А через год был удален Игуандон.
Но в басне этой есть наука и для нас:
Вот что такое творчество простых народных масс¹³.*

¹³ Текст восстановлен по двум источникам: мемуарам Хромова «Вулкан Парнас» и архиву Черткова в Исследовательском центре Восточной Европы при Бременском университете.

Впрочем, вряд ли органы нуждались в дополнительных свидетельствах антисоветской деятельности Черткова, ведь он сам – под подпись! – подтвердил факт такой деятельности еще в октябре 1954 г. и, вполне вероятно, в декабре 1955 г. тоже. Так что признательные показания начались уже на четвертый день:

16 января. Поскольку я не был доволен различными сторонами культурной, общественной и политической жизни в Советском Союзе, то высказывал антисоветские настроения <...>. Я говорил о том, что в СССР якобы социалистическая система изживает себя, что колхозная форма ведения хозяйства не оправдывает себя, что система оплаты труда рабочих является порочной, что к управлению культурной и общественной жизнью страны не привлекаются новые люди, а старые кадры, по моему мнению, во многом обюрократились и оторвались от масс и их нужно заменить.

17 января. Я утверждал, что марксизм якобы не является самостоятельным учением, т.к. Маркс после Гегеля своим учением ничего не внес нового в науку, а теория Гегеля не нуждалась в тех изменениях, которые сделал Маркс. <...> Я говорил, что марксизм, как учение, устарел, т.к. ничего не объясняет в современных условиях. Я утверждал, что марксизм не создал учения о культуре и никак не объясняет духовную жизнь человека. <...>

Впервые на эту тему я говорил с Кривошеиным <...> примерно в начале 1956 года... Я заявлял (в беседах с Грудзинской) <...> в стране, возможно, произойдет восстание <...>, в результате этого восстания в советской стране произойдут изменения существующего строя <...> я могу принять участие в этих изменениях.

19 января. Во время наших встреч с Сергеевым мы высказывали, что недостатком советского искусства является отсутствие различных школ и группировок <...>, высказывались за полную свободу в искусстве, т.е. за анархию его развития, говоря, что так искусство лучше развивается <...>, высказывались против принципа партийности в советском искусстве, заявляя, что он тормозит развитие искусства.

31 января. Я стал высказывать различные антисоветские суждения... Общий смысл их сводился к тому, что Октябрьская революция в нашей стране была исторической ошибкой <...>, я заявлял, что социализму в советской стране скоро придет конец <...>, я высказывал антимарксистские мысли в том направлении, что якобы марксизм антинаучен и устарел. Я рассказывал о плане написания мною и Сергеевым повести о Марксе, Чернышевском и революционных демократах, которых мы с Сергеевым хотели изобразить

в клеветнических тонах¹⁴. <Пометка сбоку: «Сергеев подтвердил».> (ГАРФ. Ф. Р8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31 (надзорные производства Отдела по спецделам). Д. № 77054 (Чертков Леонид Натанович)).

Из последней пометки видно, что свидетели, если и подтверждали показания Черткова, то вынужденно и вслед за ним. Кроме одного, который не просто свидетельствовал, но и расширительно истолковывал все, что требовалось, в нужном для КГБ духе. Это был Борис Ерасов:

Черткова я могу охарактеризовать как антисоветски настроенного человека. В первое время нашего знакомства мне бросилось в глаза то, что Чертков больше всего интересовался растленной буржуазной литературой и искусством. Его привлекало описание сцен садизма, надругательства над человеческой личностью <...>. Привести все антисоветские высказывания я не могу... Он говорил, что ему тяжело и отвратительно жить в нашей Советской стране, он с презрением относился к советским людям, которые заняты мирным трудом и выражал желание как-то нарушить мирную, спокойную жизнь советского общества. Наиболее ярким проявлением этих взглядов Черткова были его стихотворения «Каратели», «Легионеры», «Ленину», «Солдаты», «Анархисты», «Наемники», «Бандиты»¹⁵. <...>

В этих стихотворениях он воспевал измену Родине, насилие, грабеж, прославлял войну, бандитизм. Так, например, стихотворение «Каратели» Чертков писал в подражание белогвардейскому поэту Гумилёву. В этом стихотворении описывается взвод солдат, который расстреливал коммунаров. <...>

¹⁴ См. об этом у Кузнецова: «Отправной точкой была фантазия на тему мало изученной поездки Николая Гавриловича Чернышевского в Лондон. Как-то, проезжая по Лондону в omnibusе, Николай Гаврилович заметил неопрятного бородатого полного джентльмена в потертом цилиндре, который скандалил с кондуктором из-за того, что у него не было денег, чтобы заплатить за проезд. Чернышевский заплатил за джентльмена и познакомился с ним. Тот оказался Карлом Марксом, пригласил Чернышевского в гости и познакомил с Энгельсом. Когда они трое прогуливались по саду, расположенному перед домом, у Энгельса с Марксом возник спор, кто из них более спортивен. Маркс, чтобы доказать свое первенство, залез на дерево, с которого не мог слезть. Чтобы его снять, пришлось позвать слугу. За обедом Маркс рассказывает гостю об эксперименте, который должен был подтвердить взгляды теоретика на абсолютное и относительное обнищание пролетариата. Эксперимент заключался в следующем: на заводе, принадлежавшем Энгельсу, работал некий рабочий по имени Джошуа Несмит. Энгельс постоянно увеличивал его рабочий день, уменьшал жалованье, мучил штрафами и вообще всячески тиранил его. Джошуа Несмит все это покорно сносил, пока не умер от голода, так и не взбунтовавшись, вопреки предположениям Маркса» [Вспоминая Черткова, 2002, с. 944].

¹⁵ В основном перечислены стихотворения, входящие в цикл «Соль земли», который был известен в КГБ и раньше. Стихотворения «Ленину» и «Кремль» выбиваются из этого ряда: они из другого, безымянного, цикла – возможно, к тому моменту еще не известного на Лубянке.

В стихотворении «Ленину» переосмысливается образ В.И. Ленина, его учение и возводится клевета на вождя революции (ГАРФ. Ф. Р8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31 (надзорные производства Отдела по спецделам). Д. № 77054 (Чертков Леонид Натанович)).

Прервем ненадолго свидетеля, чтобы привести пару четверостиший из стихотворения «Ленину (Юбиляру)»:

*Когда все не хотят и никто не может,
А страна зарылась в своем дерьме,
Ты все спишь в саване из просмоленной кожи,
Навсегда заключенный в стеклянной тюрьме.*

*Но я знаю, что злость в парнике твоём вызреет,
Встав среди расступившихся часовых,
Ты еще придешь в этот рай телевизоров,
И, быть может, тогда ты разбудишь их...*

Оставив в стороне качество поэзии, отметим, что непочтительность по отношению к вождю революции здесь выражается слишком уж брутальными эпитетами, которые органы, несомненно, расценили как «кошунственные». По духу же это типичный для оттепели призыв вернуться к заветам Ленина и делать революцию заново.

Но дадим возможность Ерасову закончить свои показания:

Припоминаю также стихотворение «Кремль», в котором говорилось о разрушении Москвы и взрыве Кремля. <...> По словам Черткова, эти его стихотворения были известны в общей сложности 30-ти человекам и, в частности, он назвал Кривошеина, Александрова, Дольберга, Андрееву и др. Я с этими стихотворениями познакомился из уст самого Черткова по мере их написания, которые он мне читал наедине в библиотеке им. Ленина или других местах. Отдельные стихи он давал мне в написанном виде.

В высказываниях Черткова сквозила надежда на возможность перемен в советском обществе, которые дадут ему свободу действий. По словам Черткова, советский строй якобы изживает себя и не имеет под собой прочной основы, поэтому является неустойчивым и должен быть изменен (ГАРФ. Ф. Р8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31 (надзорные производства Отдела по спецделам). Д. № 77054 (Чертков Леонид Натанович)).

«Через несколько лет он разыскал доносчика, завел куда-то в подворотню и хотел было оскорбить действием, да махнул рукой», – писал Роман Тименчик [Тименчик, 2001, с. 128–131]. «Против него говорил очень много такой человек – Ерасов, – рассказывал Красовицкий. – Лёня

Чертков потом написал: “Вы слышали – Ерасов удавился? / Ерасов? Ну и пусть себе Ерасов”. Вот Ерасов – тот как раз про стихи всё доклады-вал. Но он не удавился, конечно, наоборот, за это у него потом выгоды были, карьеру сделал»¹⁶ (интервью с С. Красовицким, 13 ноября 2015 г., архив автора).

16 января, судя по материалам надзорного дела, Хромова допросили о его антисталинском стихотворении (неизвестно, найдено при обыске у Чертова или сообщил тот же Ерасов):

*В тот вечер, возвращаясь с пьянки,
Я оказался под чужим окном.
Товарищ Сталин вешал обезьянку
И медленно пытал огнем.*

*Потом он вынимал ее кишочки
И пожирал, торжественно урча.
С тех пор я не читал его ни строчки.
Читаю только Ильича.*

«В КГБ говорят: “Откуда такая бравада? Вы знаете, чем эта бравада вам грозит? А мы все-таки не такие идиоты, как вы о нас думаете. Эти стихи-то ваши – антихрущевские, против Никиты Сергеевича направлены, не говоря уже о всех других”» [Врубель-Голубкина, 2014, с. 146].

Хромову, можно сказать, повезло – ругать Сталина после доклада Хрущёва уже не возбранялось, но если бы у органов была установка на «группу» – проблем с его арестом, думается, не возникло.

На состоявшийся 19 апреля 1957 г. суд были вызваны:

Обвиняемый:

Чертков Леонид Натанович, внутренняя тюрьма КГБ.

Свидетели:

Грудзинская Галина Владимировна, Московская обл., г. Бабушкино, ул. Коминтерна, д. 34а, кв. 2

Сергеев Андрей Яковлевич, Малый Чапаевский переулок, д. 8, кв. 1

Ерасов Борис Сергеевич, 5-й Донской проезд, д. 31а, кв. 163

Александров Игорь Георгиевич, ул. Горького, д. 14, кв. 29

Хромов Валентин Константинович, ул. Матросская тишина, д. 23, кв. 60

Красовицкий Станислав Яковлевич, 1-й Зацепский проезд, д. 5/11, кв. 28

(ГАРФ. Ф. Р8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31
(надзорные производства Отдела по спецделам).
Д. № 77054 (Чертков Леонид Натанович))

¹⁶ Б. Ерасов (1932–2001) с конца 1960-х гг. был научным сотрудником Института филологии АН СССР; с 1976 г. работал в Институте востоковедения АН СССР. Опубликовал ряд трудов по социокультурным традициям, а также религиозной практике стран Азии, Ближнего Востока и Африки.

Против всех свидетелей, кроме Александрова¹⁷, стоят галочки – возможно, он не явился или его решили не вызывать. В надзорном деле имеется еще один список, принцип формирования которого, возможно, объясняет упоминание в нем Шкловского, – при нем, как мы видели выше, Чертков позволял себе резкие антисоветские высказывания, – при других, видимо, тоже: «Игорь Можейко; Вадим Черепов; Игорь Александров; Валентин Хромов; Сергей Цibaковский; Игорь Куклес; Габричевских; Олег Прокофьев; Шкловский»¹⁸. При этом напротив Куклеса и Шкловского стоят прочерки, а Габричевских и Прокофьев объединены фигурной скобкой, выводящей к слову «знакомые».

Суд, по воспоминаниям Хромова, походил на тихую расправу (на заседание попали даже не все вызванные свидетели: «Зачем допрашивать Красовицкого, – спросил адвокат, – если он не дал никаких показаний?» [Андреева, 2001, с. 16]) и разительно отличался в этом смысле от последующих литературных процессов – общество не готово еще было отстаивать поэтов. Да и, надо признать, Чертков сам не очень стремился к тому, чтобы его защищали: признание вины – этого тоже не было на процессах 1960-х гг. Но задним числом, особенно во время процесса Бродского, он обиделся на прогрессивную общественность, и довольно серьезно, что при его язвительности и литературном даре вылилось в запоминающиеся стихотворные и драматургические эпиграммы (см. Приложение к настоящей статье, с. 253–255).

Обвинительное заключение базировалось на признаниях самого обвиняемого, свидетельских показаниях Ерасова, а также Сергеева, Александрова, Грудзинской, Хромова и Красовицкого. Это несколько не расходится с утверждениями самих свидетелей, которые позже в интервью и воспоминаниях настаивали, что они показаний против Черткова не давали. Действительно, признавался, как правило, сам Чертков, они лишь подтверждали сказанное им. Для примера можно процитировать обвинительное заключение (следует обратить внимание на нумерацию листов дела):

...в силу своего враждебного отношения к советской действительности **ЧЕРТКОВ** высказывал изменнические настроения. <...> **ЧЕРТКОВ** об этом показал: «Поскольку я был настроен антисоветски,

¹⁷ Личность Александрова нам установить не удалось; все помнят, что «был такой», но где учился, кем работал, как попал на «мансарду» – непонятно.

¹⁸ Сергей Цibaковский – одноклассник Хромова, тоже учился в МГПИИЯ, его рассказ опубликован во втором номере сборника «Наше творчество». Габричевских – видимо, с ошибкой записан упоминающийся в мемуарной прозе Андрея Сергеева искусствовед Александр Габричевский. Олег Прокофьев – сын композитора Сергея Прокофьева, поэт (в 1960 г. его стихи будут напечатаны Александром Гинзбургом в журнале «Синтаксис»). Кто такой Вадим Черепов, установить не удалось.

и в советской стране мне было не по душе, у меня появилось настроение уехать за границу»¹⁹. <...>

СЕРГЕЕВ показал: «Летом 1956 г. ЧЕРТКОВ, находясь в крайне тяжелом моральном состоянии, приехав ко мне на дачу, заявил, что все ему осточертело, и что он уехал бы за границу»²⁰ (ГАРФ. Ф. Р8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31 (надзорные производства Отдела по спецделам). Д. № 77054 (Чертков Леонид Натанович)).

Заканчивалось обвинительное заключение так:

На следствии ЧЕРТКОВ в предъявленном ему обвинении виновным себя признал полностью и показал, что антисоветские разговоры он вел в силу враждебного отношения к существующему в СССР строю.

Подпись: Кремлев.

Согласны: Начальник 2 отделения 2 отдела следуправления КГБ майор Конон; Зам. начальника 2 отдела следуправления майор Зотов. (ГАРФ. Ф. Р8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31 (надзорные производства Отдела по спецделам). Д. № 77054 (Чертков Леонид Натанович)).

Прокурор на суде требовал четыре года; суд дал пять. Как и положено, в течение 72 часов адвокатом была подана апелляция, т.е. «заседательской жалости» Чертков все же попросил. Но обе стороны понимали, что это пустая формальность: разумеется, апелляцию отклонили.

«Группа Черткова» еще немного повоевала после его ареста:

Я не был постоянным приверженцем самиздата, но после ареста Черткова Юрка (Галансков. – В.О.) уговорил меня сделать сборник, посвященный другу-зэку. Почти всю ночь Галка (тогда Галанскова) печатала стихи Лёни, Стася (Красовицкого. – В.О.), Андреевой, Сергеева, Гриценко, Юрки, меня. Выбор названия оставили на утро. Было два варианта: «Камин» с эпиграфом из князя Долгорукова и «Бразда» с эпиграфом из Ходасевича. Только уснули – стук в дверь. Гэбист – прямо к столу. Считает число экземпляров. Удовлетворен: «Все четыре здесь!» Столько с одного захода печатала машинка [Хромов, 2017].

Самиздатчиков официально не задержали, только несколько часов возили на комитетских автомобилях по Москве, пока в главном здании шла проверка сборника на антисоветчину. Таковой не обнаружилось, но сборник все равно не вернули.

Также еще до суда над Чертковым, в марте 1957 г., на квартире Валентина Рокотяна состоялась выставка картин Куклеса, на которой

¹⁹ Лист дела 177.

²⁰ Лист дела 254.

Красовицкий и Хромов читали свои стихи, причем Красовицкий представил также и объекты на грани поэзии и изобразительного искусства. Выставка была открыта на протяжении двух недель (пока родители Рокотяна были в отпуске), реакции властей не последовало. 10 октября 1957 г. в Рыбном институте (Московский технический институт рыбной промышленности и хозяйства), где учился Олег Гриценко, был организован вечер поэзии, на котором выступили как поэты официальные: Григорий Поженян и Борис Слуцкий, так и участники группы Черткова: Гриценко, Хромов, Красовицкий.

Однако к 1958 г. публичная активность группы, судя по всему, сошла на нет, превратившись в не столь уж частые встречи. Да и негде стало собираться – у Андреевой родился сын, собирать гостей на дому стало просто затруднительно. Сергеев – тоже семейный человек – все больше уходил в приносящие заработок переводы. Шатров запутался в личных отношениях и сбежал из Москвы в Нижний Тагил к семье. Судя по рассказам Хромова и Красовицкого, были еще походы, в которых вместе с ними участвовал Куклес, но они закончились, как только Красовицкий испытал «преображение» в Кидекше [Куклес, 2004, с. 13]. Когда в начале 1962 г. Чертков вернулся из мордовских лагерей в Москву, тот был в состоянии мировоззренческого кризиса и на грани отказа от своей ранней поэзии.

Осталось еще только рассказать о публикации «оппозиционных стихов советского студента», состоявшейся в самом начале 1958 г. почти одновременно в эмигрантских изданиях «Посев» (7 января) и «Социалистический Вестник» (№ 2/3 за февраль-март):

*И была последняя ночь режима,
И кто-то зачем-то поджег Москву,
И больше никем уже не хранимый
Кремль, наконец, взлетел в синеву.
А потом кто-то стрелял в кого-то
И гигантским кадилом чадил «Метрополь»,
И небоскребов уродливых соты
Опадали, сыграв краткосрочную роль.
Ночь ушла. И трупы спокойно покрыли
Мозгами забрызганный паранет,
А на кровавой кирпичной пыли
Обгоревший с углов знакомый портрет.
Улыбка у глаз в морщинках тонких,
Застраившая между губ и усов,
И сопливый ребенок, играющий стрелкой,
Минутной стрелкой Спасских часов.*

Разумеется, Чертков здесь не назван, а о стихотворении и его авторе сказано следующее:

Вот передо мной маленький зеленый блокнотик. Бумага плохая, грязная, но блокнотик прибыл из Москвы. <...> В блокнотике стихи. Написаны они тоже в Москве. Студентом московского университета. Начинаящим поэтом. Происходит он из самой обыкновенной, средней, городской семьи. Никак особенно от советской власти не пострадал. И даже, как видим, имеет возможность учиться, – попал в университет. Перед ним открываются, как будто, перспективы «карьеры». Короче, власть сделала со своей стороны все возможное, чтобы переманить его на свою сторону. По возрасту сейчас нашему поэту около двадцати пяти лет. Больше, по вполне понятным причинам, мы ничего о нем сказать не можем [Кашин, 1958, с. 3].

Вся эта конспирация, в общем-то, Черткову уже ни к чему, поскольку отдельные строки упоминались в показаниях Ерасова, да и В. Кузнецов сообщил, что ему запомнились «начальные строчки стихотворения (кажется, оно было среди инкриминируемых ему): “И был последний день режима, И кто-то зачем-то поджег Москву...”» [Вспоминая Черткова, 2002, с. 944]. Интересно здесь разве то, каким образом стихотворение было переправлено за границу. Ведь каналов передачи информации на Запад до середины 1960-х гг. было крайне мало. Все объясняется, если раскрыть псевдоним автора статьи в «Социалистическом Вестнике»: «Д. Бург» не кто иной, как Александр Дольберг, приятель Черткова по началу 1950-х гг., который во время туристической поездки по Германии в августе 1956 г. сбежал из Восточного Берлина в Западный.

Возвращаясь к названию «группа Черткова». Характерен выбор им своих корреспондентов для посланий из лагеря – сохранились письма Хромову и Сергееву, имелась, но, к сожалению, по-видимому, утрачена после пожара переписка с Красовицким. В этих письмах он активно интересовался новыми переводами и стихами Сергеева; критиковал Хромова за грамматические ошибки в стихах, отмечая, впрочем, что «кое-что из присланного мне его нравится»; был в восторге от новых сочинений Красовицкого. Да и новым приятелям по зоне Чертков читал, как вспоминал Кузнецов, стихи своих друзей по «мансарде» Хромова и Красовицкого и рассказывал о том, как с Сергеевым начинал писать роман под названием «Великий Инвестигатор». Фамилии, как видим, одни и те же, других не возникает.

Для сравнения: Андреева и Шатров встречаются в этом эпистолярном наследии всего один раз, причем в не самом выгодном (если следовать логике Черткова) контексте: «Блок, по моему тусклому мнению, неумен, хотя из интеллигентной среды. Яркий тому пример “Поэты” – эту вещь могли порознь сочинить Андреева и Кика (Шатров. – В.О.)» (из письма А. Сергееву, 1958 г., частное собрание). Другие же посетители «мансарды» и вовсе не упоминаются, за исключением Можейко и Орешкина в связи с их публикацией в журнале «Техника – молодежи».

Пожалуй, можно сказать, что определенный «отбор» в группу задним числом был все же произведен – не столько временем и обстоятельствами, сколько самим Чертковым.

Приложение

Галина Андреева

* * *

*Все так же светится вода,
все так же берег равнодушен,
и голубые невода
от суши тянутся до суши.*

*Деревьям хочется грозы,
они дрожат нетерпеливо,
не видя ни одной звезды
в косой извилине залива.*

*Лишь тонкий стебель маяка
луч протянул голубоватый
и волн размеренных тоска
уже растет под небом ватным.*

*Так одиноки на песке
остатки темной древней рощи!
В моей ломаются руке
иголки, гладкие на ощупь.*

*Зачем я здесь, зачем везде?
Зачем дано мне догадаться,
как тщетно тянутся к звезде
сухие сосны декораций?*

*Печаль уходит, но куда?
Не мы ли следуем за нею,
как ослепленная вода,
глаз на луну поднять не смея.*

* * *

*Не обернусь, лишь ветер бросит вслед
Прощальный звон колоколов церковных.
И за моей спиной уже встает рассвет,
Ну вот и этой ночи больше нет,*

*Вот так и нет... И холодом смягченный
Багрянец листьев стынет на ветру.
И продвигаясь утренней дорогой,
Стараюсь сон продолжить понемногу.
Что будет с вами, если я умру?*

*Окраины, работы, холода
Стирают все безжалостно и просто,
И если не вернусь, то не беда,
Быть может, даже к лучшему. Когда
Ты сам себя простишь, все станет отголоском.*

* * *

*Мои шаги по мостовой
Под легким тополиным пеплом,
Звнящее над головой
Пустое городское лето.*

*Сухая пыль заволокла
Деревья, город мне враждебен.
День раскаляет добела
Косые крыши в блеклом небе.*

*Так долго я смотрю на них,
Остановившись на ступенях,
Не отрываясь ни на миг
От неосознанных видений.*

* * *

*Где старые названия, звук которых
Когда-то отдавался легкой болью,
Тропинка в сумерках ведет, теряясь, в горы,
И я стою в оцепеневшем поле.*

*Здесь тишина, ушедшая в зенит,
Прозрачной горечью настаивая воздух,
В опавших листьях бережно хранит
Последней осени оттаявшие слезы.*

*Приятно, разуверившись в друзьях,
Куда-нибудь уйти в глухом раздумье,
И все на свете плачет за тебя
Под знаком наступивших новолуний.*

Станислав Красовицкий

* * *

*Пока еще не все потеряно.
Но не узнаю я, за кем
с корнями вырванное дерево
провозят на грузовике.*

*Дни по конвейеру за деревом,
как дровосеки по дрова.
И верным знаком о потерянном
в углу разобрана кровать.*

*Последняя примета давности...
Еще свежа,
как этот сон,
что дышит корабельной плавностью
за переборками часов.*

*Пуškai еще ничто не взвешено –
весь этот сон
и вместе с ним
весь этот мир японской ветоши
я сохранил, как сувенир.*

Июнь 1955

Рисунки на скалах

Возьму винтовку длинную,
пойду я из ворот.

*За лесом мой дом
циклопической кладки.
Как лодку в ненастье,
отторгнув порог,
я вышел из дома
той самой повадкой,
что с длинной винтовкой
идут из ворот.*

*По белой дороге
я шел через горы,
как ямы, минуя
края городов.
Я шел через горы
к собору,
который,
как вырез заката,
стоял над водой.*

*Там волны ложились
рядами паркетин.
И бился фонарь
о напор темноты.
Туда шел ребенок,
болтая о лете,
бросая на камни
резные цветы.*

*Летучие мыши
там льнули к балконам.
Не двигались лодки.
И так же, как встарь,
создав переулки,
сбегал по газонам
и бился о волны
трехгранный фонарь.*

Маныч. Июль 1955

* * *

*12 темных окон. И фасад.
Зеленый циферблат.
И расстоянье
В 12 темных окон.
Голоса
встречаются, как странники в тумане.*

*12 темных окон.
Люди спят.
Проходят километры.
Люди спят.*

*Поблескивают чешуей скамейки в парке.
Во сне фосфоресцируют моря.
Идут своей дорогой сосны.
И неяркий
рыбацкий дождь стоит у фонаря.
И близко ли –
далёко –
люди спят.
И много темных окон.
Люди спят.*

Сентябрь 1955

Близнецы

*Близится лес.
Подоконник неяркий.
Серых ступенек неверный размер.
Бабочка тлеет
И запах угара.
Эта последняя комната – смерть.*

*Нас уже храбрых немного осталось.
В лампе еще не сгорел керосин.
Длинной полоской
смежает усталость
черные грани земной полосы.*

*Но даже и слова не скажем друг другу.
Мне ли не знать угрызенья твои.
Нищие братья –
мы с лампой по кругу
время обходим, прося за двоих.*

Измена

*Ты улыбаешься, картина.
Пейзаж подобран как-нибудь.
Но с грузом сена господина
мы уплываем в дальний путь.*

*А мой жених, что смотрит вслед нам –
на наши спины –
мы гребем.
Вокруг луна и море бледны.
На черном сене мы вдвоем.*

*Но тень его идет за нами.
И словно чью-то злую речь
на свадьбе, сдвинутой столами,
Ее ни выбросить.
Ни сжечь.*

*А в полночь загорятся ели.
Мы из угла почуем гарь.
И вдруг увидим над постелью
фламандский матовый фонарь.*

Июнь 1956

Андрей Сергеев

Верхарн

*По улице ближней, горячей и смрадной,
На фоне заката шагают двое:
– Похожий на гнома, сутулый и ладный.
Глаза, как бусы, усы, как хвоя,
Он топает четко по камням точеным,
Ботинок носы задирая, как турок,
И небо багровое с городом черным
Сбивает и вяжет его фигурка.*

*Какие контрасты: мальчишески-юркий
И рядом:
– Оплывший, белесый, растяпа –
Его собеседник, философ и бюргер,
От солнца хранимый соломенной шляпой.*

Заходят в кафе под холщевым тентом.

*Философ уставился и пиво тягучее,
У гнома восстание наготове,
И, пальцы топыря в карманах брючных,
Он режет углы по всему кафе.
Он ходит, как тигр, ожидая схватки,
Роняя сверкающие слова.
На бурых плечах обливной крылатки
Горит удивительная голова.*

*Теперь он не гном: гениальный кузнечик:
Огромней и выпуклей светит лоб,
Глазницы и губы округлей и резче –
Любовью и ненавистью свело.*

*Философ не любит подобных штучек,
Порядок когда забирают на мушку.
Послушаешь – станешь путчу попутчик.
И спрятана совесть в пивную кружку.
Слова – и волнуют – подумать только!
Слова – и кусают – хуже блохи!*

*Кузнечик стоит, опершись на столик,
И громко читает свои стихи.*

*Потом он отходит к окну и смотрит
Туда, где деревья шагают по три,
Туда, где играют в закате торцы,
Как мускулы, что потеряли борцы,
Где крыши стремятся выше и выше
Олицетворениями идей,
Где трубы печные к небу ближе,
На целый аршин ближе людей.*

Час «Ч»

*День еле выдерживал до конца,
Полковник угрюмо смотрел с порога
Туда, где в пяти шагах от крыльца
Уже začínалась глухая тревога.*

*Сочилась росой с небес на луг,
Листала листьями ольхи и осины,
Брела босиком, охраняя слух
Сырых километров округи пустынной.*

*А сумрак солдат одичавших накрыл,
Мешал их шинели в сплошную гуцу.
Полковник, не переставая, курил,
Прикуривая от предыдущей.*

*Еще была улица и сады,
Гнилые северные заборы.
Один батальон посреди беды,
Проклявший бездействие и задворки.*

*Приказ стоять, приказ не стрелять,
Приказ распластаться шинели плоче.
С четырех сторон залегли поля,
С четырех сторон подступали роци.*

*Мы стыли на выпотрошенной траве,
Открытому небу подставя спину,
И видели плоские лица в листве
За каждой ольхой, за каждой осиной.*

*Часы, выдавая, скреблись на руке,
И чуялось четко в тиши напряженной,
Как за заборами в ивняке
Стекались серые комбинезоны.*

*Двойное движение сквозило во тьме,
Захватывая изнутри и снаружи,
И новая жизнь, и старая смерть
Готовили нас – но к чему? К чему же?*

Стих

*Безлиственный город и голая степь –
 Не место, чтоб выйти на люди и спеть.
 А лес не постиг в многодумьях своих,
 Как постук стволов перемалывать в стих.
 И даже блеснувшую в воздухе нить
 Стиха – не сумеет никто сохранить:
 Зимой он вымерзнет, летом он выгорит.*

*Стих отворяется дверцею в пригород,
 И там он, согретый старинным жильем,
 Проходит незнаем, невидим, неслышим,
 И, как обгорелые пустоши вишен,
 Он долго царапает сучьями дом.*

*Он греет сугробы морозной порою,
 Он летом прохладу несет под корою
 И тихо мечтает: – А может, придет
 Свободный от жара и холода год?*

*...А умер хозяин – гнилые колы,
 Торчащие в гибких обветренных прутьях,
 Напомнят кому-то бывшие стволы
 И тех, кто в тени говорили о людях.
 Прохожий, ты многое можешь найти:
 Стих – отворение в наши пути.*

Июнь 1956

* * *

*Чьи-то, чьи-то могилы полынным быльем поросли,
 И кресты из камней разметал по нагорьям ветер.
 Кто же, кто же из бодрствующих прозорлив?
 Только кто же, ну кто же из спящих не верит?*

*Ближе к небу и воздух иной, и земля не трудна,
 Тяжко только пешком, на двоих, забираться на гребень.
 А пришел, огляделся, обстала тебя тишина,
 Окружила земля, охранили колючки и щебень,*

*Виноградными листьями трецины в почве поили.
 Здесь казенную обувь не раз корневища хватали.
 Пляшет местный мураш между порами голой земли,
 Застывает кузнечик в пятнистом защитном халате.*

*Кто-то детской символикой – срубленным деревцом –
 Заменить попытался креста вековую крылатость.
 Бедный маленький спорщик с великим Творцом,
 Посмотри хорошо – что прошло, что осталось.*

*На погибших могилах чернеют сухие кусты.
Может, в почве железо, а может и что-то другое.
Время, странное время – детей хоронили отцы,
И поныне живущие там, под горою.*

*Там, живущие? Кто их, печальных, поймет!
Тридцать раз проходила война, сорок раз иссякали колодцы.
Их сменяли другие – спасибо на том.
Горы. Море. Земля. То нахмурится, то улыбнется.*

Коктебель. 13 сентября 1959

Стихи Валентина Хромова,
сочиненные А<ндреем> С<ергеевым>

Птица и обман

*Я голубю кинул кусок меду,
Когда мне нечего было делать.
А потом я взял в шкафу бутерброды
И до отказа набил портфель.
И я на всю жизнь запомнил завтрак,
Который никто никогда не ел.*

О рабочем классе

*Делегаты приехали одинаково –
Кто на фордах, кто в кадиллаках.
И вдруг из люка канализации
Вылез последний член делегации.*

Экспромт

*Вечер. Вдохновение. Себя не узнать.
Круглая луна над квадратной столицей.
Одной ногой бы стихи писать,
Другой бы ногой напиться.*

Как я вышел из положения

*Когда в ресторане и хочешь жрать –
Все предрассудки мелки.
И я спокойно встал
и перелил
Недоеденный суп из чужой тарелки.*

Про то

*Я не хочу смотреть на то!
Я лучше пониже надвину шапку!
Двое идут в теплых пальто,
А третий несет толстую папку.*

Валентин Хромов

Дорога слова

*По санному пути тащила кобылица
Ночное бездорожье размышлений.
Веселые мы шли подробно мыться
И вот вошли в сугробы по колени.*

*Пережидая этот долгий воз,
Мы принимали новые воззренья,
Реальность снега. Я жевал овес
Слащавого стихотворенья.*

*И, в Днепр войдя, я притворился зверем,
Что в форме шара на согнутой палке.
А возчик не спешил и оставался верен
Своей реалистической закалке.*

*Потом за многоликим самоваром
И развалившись в деревенском стуле,
Мы пили чай с густым наваром
Всего, откуда мы вернулись.*

*И впился вечер волчьими глазами
И в нашу быль, и в старый анекдот.
Казалось, что неразговорчив с нами,
Но дайте ему сесть и он пойдет.*

* * *

*В стеблях неоновой простуды,
В пивной соломе фонарей
Витрины очертили студию
Посудных песен канареек.*

*Гадая, шкаф или тюрьма,
Везде сознание есть зуд.
А в меблированных умах
Гуляют голуби посуд.*

*Рояль перчатками безруких
В пружинах воздуха дрожит.
И человек с антенной в ухе
Глядит сквозь вилки и ножи.*

Мода и вдруг

*Шляпой кричала мода.
Шарфом пестрели бульвары.
У огней театрального входа
Тени делились на пары.*

*Вечер. Шляпы. Реклам разбег.
Где-то что-то играла арфа.
И вдруг прошел один человек
В кепи и без шарфа.*

Тютчев

*Дождей нечеткие штрихи
На ткань прозрачных вечеров
И по-осеннему стихи
Из будто бездыханных слов.*

*А жизни светлая тоска
Ласкает впечатленья дней.
Всем телом спишь до волоска
В холодном сумраке огней.*

*Но каждый шаг в замолкшей спальне
Нарушит безмятежный сон,
Как гулом революций дальних
Был мирный Тютчев раздражен.*

Спокойной ночи

*Он ушел с улыбкой,
Сказал: до свиданья.
Косоглазыми были
Вечерние зданья.*

*Обернулся. Добавил:
Спокойной ночи.
И пошел наугад,
Будто так короче.*

Леонид Чертков

Пронский

незавершенные сцены 60-х годов

Сцена 1-я

Литературно-общественный салон.

К видному либералу подходит либерал помельче.

Либерал помельче (*на ухо*): Вы знаете, Вертушенко поместил очень нужные стихи.

Видный либерал: Очень хорошо. К гонорару вручите ему конвертик.

Либерал помельче: Вы слышали – осужден поэт Пронский?

Видный либерал: Тсс (*понизив голос*): А какой суд судил?

Либерал помельче: Общественный.

Видный либерал (*вновь повысив голос*): А-а. А что, поэт интересный?

Либерал помельче: Да как вам сказать...

Видный либерал (*встает, громко обращаясь к присутствующим*):

Я должен сообщить вам потрясающую новость. Величайший поэт нашего времени, Пушкин нашего века, переводчик Гомера, Иосиф Пронский несправедливо осужден за тунеядство Оренбургским общественным судом. Я призываю вас протестовать против насилия над личностью поэта со стороны современных Дантесов. (*Шум, рукоплескания.*)

Сцена 2-я

Видный либерал и видный черносотенец в кулуарах какого-то съезда.

Видный либерал (*бодро*): Да-да, нужны новые песни. Все эти Некрасовы, передвижники безнадежно устарели.

Видный черносотенец (*шепотом*): И не скажите. Жрать-то по-прежнему нечего.

Видный либерал (*не слушая*): Да-да, недостатки у нас имеются. Очереди, например, или вот эта история с Пронским. Вот когда я был летом в Париже...

Видный черносотенец (*хлопая себя по коленке*): Да в Париже, я вам скажу, не жизнь, а малина. Вот живут-то, едрит их в рыло — не то что наши-то, сиволапые. Вот когда я служил в ОГПУ, там Николай Иванович нам, бывало, говаривал: «Учиться, учиться и еще раз учиться».

Видный либерал: А вот когда я служил в ВЧК, так Вячеслав Рудольфович нам, бывало, говаривал «À la guerre comme à la guerre».

Видный черносотенец (*раздумчиво*): М-да. Иные времена — иные нравы.

Сцена 3-я

Литературный салон.

Сидят Пронский, хозяйка салона, старая поэтесса Анна Сергеевна, поэт Зальцман, поэтесса Дербеневская и др.

Анна Сергеевна (к Пронскому): Но послушайте, cher ami, если они требуют, чтобы вы работали, – вы можете стать моим литературным секретарем.

Пронский (внушительно): Знаете что, Анна Сергеевна, вас бы я еще взял литературным секретарем, но уже Зальцмана – никогда.

Все ошеломлены. Зальцман уничтожен. Пауза.

Хозяйка (вставая): Известный критик Андрей Слюнявский.

Дербеневская (недослышав): Ах, Венявский. Какая прелесть! Сыграйте нам, пожалуйста, свой полонез.

Слюнявский мрачно достает из портфеля виолончель и, поплевав на руки, заунывно играет полонез Галчинского.

Все в восторге.

Пронский (не дослушав полонеза): Вот послушайте, Венявский, как вам нравятся мои поэмы?

Слюнявский (подобострастно вставая): Это поразительное явление нашего времени. Позвольте откровенно сказать вам, дорогой Пронский, у вас совершенно свежая тема – конец мира.

Швейцар (ворчит): Все пишут, пишут. А кроме Брэма и читать-то нечего.

1964

[Пьеса не дописана ввиду печальной тогда участи большинства персонажей.]

* * *

*Какой-то Бродский Исаак,
Один из нонешних писак,
Найдя нетронутую тему,
Слепил предлинную поэму.
И, от поэмы без ума,
Андревна ахала сама!
И, крепко Бродского облавав,
Лобзал безумца Косолапов,
И от Литейного на Невский
Летели вопли Горбаневской.
Похвал подобных кулебяка
Вскружила кумпол Исааку.
Переварив ее с трудом –
Теперь посажен в желтый дом.*

* * *

*Иван Вирзоха – знатный бригадир,
Начальству чем-то крепко угодил.
Вирзохе протянули русский свет,
Вирзоху протащили в райсовет,
Вирзоху обучают бальным танцам,
Вирзоху представляют иностранцам, –
И вот оно свершилось наяву –
Вирзоху с делегацией в Москву.
Вирзоху принимают, руки жмут,
Сажают в зал, наушники дают.
Но вот беда! Докладчик ихний не явился,
Он сдуру, говорят, коктейлем отравился.
– Ништо! – сказал Иван, – я выступлю за всех.
И выступил. Да так, что многим стало плохо,
Президиум бежал – ну просто смех да грех.
Веселый человек Иван Ильич Вирзоха!*

1957, Лубянка

Николай Шатров

* * *

*Я что-то пристрастился к водке
И, с равновесием не в ладах,
С утра качаюсь, словно в лодке,
На двух ногах – на двух врагах.*

*Как выпью – закушу лимоном,
Взмерцает в разуме звезда –
С самим премудрым Соломоном
Могу померяться тогда!*

23 июля 1955

Новый Египет

*Страна моя – Египет новый,
Пятно родимое Земли,
Как Сфинкс, восставший из былого,
Ты тонешь в каменной пыли.*

*Мемфисская улыбка мумий
Ждала московских пирамид
И, Волгой впаывая в раздумье,
Надолго тайну сохранит.*

*О, запеленутая в славу,
Россия вещь моя!
Какой клокочуею лавой
Ты хлынула во все края!*

*И извержение Коммунизма
Есть преломление тех времен
Сквозь ту трагическую призму,
Которой имя Фараон!*

5 октября 1955

О Мусоргском

*Мусоргский, пьяница, велик
«Борисом» и слащавой «Детской».
Его хоры безликий клик
Почти пророчески советский.*

*Так угадать, едрена мать,
Грядущую слепую массу,
Пред ней юродивым рыдать
И слушать, что укажет Стасов.*

1956

* * *

*Так после дождичка в четверг
Я счастье вечное отверг,
Надел пальто и, как домой,
Пошел дорогою прямой
В небытие...*

29 ноября 1956

* * *

*А мне работать привелось
В музей, где земная ось
Пронзила Скрябина насквозь...*

7 декабря 1956

Библиографический список / References

Андреева, 2000 – Памяти Леонида Черткова / Под ред. Г. Андреевой. М., 2000. [Pamyati Leonida Chertkova [In memory of Leonid Chertkov]. G. Andreeva (ed.). M., 2000.]

Андреева, 2018 – Шатров Н. Стихи 1957–1958 годов / Публ. и коммент. В. Орлова; предисл. Г. Андреевой // Знамя. 2018. № 8. С. 29–41. [Shatrov N. Poems 1957–1958. Ed. by V. Orlov. Introduction by G. Andreeva. Znamia. 2018. No. 8. Pp. 29–41. (In Russ.)]

Бродский, 1998 – Бродский И. Беседы с Соломоном Волковым. М., 1998. [Brodsky J. Besedy s Solomonom Volkovym [Conversations with Solomon Volkov]. Moscow, 1998.]

Вспоминая Черткова, 2002 – Вспоминая Леонида Черткова // Тыняновский сборник. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. М., 2002. С. 934–962. [Remembering Leonid Chertkov. *Tynyanovskii sbornik. Vyp. 11: Devyatye Tynyanovskie chteniia*. Moscow, 2002. Pp. 934–962. (In Russ.)]

Дольберг, 1958 – Бург Д. <А. Дольберг>. О некоторых чертах идейного брожения в Советском Союзе // Социалистический вестник. 1958. № 2/3. С. 31–34. [Burg D. <A. Dolberg>. On some features of ideological fermentation in the Soviet Union. *Sotsialisticheskii vestnik*. 1958. No. 2/3. Pp. 31–34. (In Russ.)]

Врубель-Голубкина, 2014 – Врубель-Голубкина И. Разговоры в зеркале. М., 2014. [Vrubel-Golubkina I. Razgovory v zerkale [Conversations in the Mirror]. Moscow, 2014.]

Горбаневская, 2013 – Горбаневская Н. «Вот я дура была без страха...» // Горалик Л. Частные лица: биографии поэтов, рассказанные ими самими. М., 2013. С. 192–238. [Gorbanevskaya N. “I was a fearless fool...”. *Goralik L. Chastnye litsa: biografii poetov, rasskazannye imi samimi*. Moscow, 2013. Pp. 192–238. (In Russ.)]

Ерофеев, 2005 – Интервью А. Ерофеева с В. Рокотяном и И. Куклесом // Другое искусство: Москва, 1956–1988. М., 2005. [A. Erofeev's interview with V. Rokotyian and I. Kukles. *Drugoe iskusstvo: Moskva, 1956–1988*. Moscow, 2005. (In Russ.)]

Кашин, 1958 – Кашин А. И была последняя ночь режима // Посев (Франкфурт-на-Майне). 1958. № 1 (608). 7 января. [Kashin A. And it was the last night of the regime. *Posev* (Frankfurt a. M.). 1958. No. 1 (608). 7 January. (In Russ.)]

Куклес, 2004 – Куклес: Сборник воспоминаний. М., 2004. [Kukles: Sbornik vospominanij [Kukles: Collection of memoirs]. Moscow, 2004.]

Сергеев, 1997 – Сергеев А. Omnibus. М., 1997. [Sergeev A. Omnibus. Moscow, 1997. (In Russ.)]

Сергеев, 1999 – Сергеев А. Мансарда окнами на Запад: [Интервью] // Кулаков В. Поэзия как факт. М., 1999. С. 340–351. [Sergeev A. An attic with windows facing West: [Interview]. *Kulakov V. Poeziia kak fakt*. Moscow, 1999. Pp. 340–351. (In Russ.)]

Тименчик, 2001 – Тименчик Р. Лёня Чертков // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. С. 128–131. [Timenchik R. Lyonia Chertkov. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2001. No. 47. Pp. 128–131. (In Russ.)]

Хромов, 1999 – Хромов В. Мы всегда занимались только искусством: [Интервью] // Кулаков В. Поэзия как факт. М., 1999. С. 352–359. [Khromov V. We have always been engaged only in art: [Interview]. *Kulakov V. Poeziia kak fakt*. Moscow, 1999. Pp. 352–359. (In Russ.)]

Хромов, 2016 – Хромов В. Вулкан Парнас // Зеркало. 2016. № 47. URL: <http://zerkalo-litart.com/?p=10622> (дата обращения: 09.09.2020) [Khromov V. Volcano called Parnassus. *Zerkalo*. 2016. No. 47. URL: <http://zerkalo-litart.com/?p=10622> (In Russ.)]

Хромов, 2017 – Хромов В. Вулкан Парнас // Зеркало. 2017. № 50. URL: <http://zerkalo-litart.com/?p=11302> (дата обращения: 12.09.2020) [Khromov V. Volcano called Parnassus. *Zerkalo*. 2017. No. 50. URL: <http://zerkalo-litart.com/?p=11302> (In Russ.)]

Юнисов, 2012 – Юнисов А. <Гринберг С.>. Времена года. Мюнхен, 2012. [Yunisov A. <Grinberg S.>. *Vremena goda* [Seasons]. Munich, 2012.]

Юнисов, 2016 – Юнисов А. <Гринберг С.>. Как я про свои стихи профессионалов спрашивал // Иерусалимский журнал. 2016. № 54. URL: <https://magazines.gorky.media/ier/2016/54/kak-ya-pro-svoi-stihi-professionalov-sprashival.html> (дата обращения: 09.09.2020) [Yunisov A. <Grinberg S.>. As I asked professionals about my poems. *Ierusalimskii zhurnal*. 2016. No. 54. URL: <https://magazines.gorky.media/ier/2016/54/kak-ya-pro-svoi-stihi-professionalov-sprashival.html> (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 10.10.2020

The article was received on 10.10.2020

Об авторе / About the author

Орлов Владимир Игоревич – независимый исследователь, собиратель фактов, г. Москва, Российская Федерация

Vladimir Orlov – Independent researcher, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8851-2419>

E-mail: vl.orlov@rambler.ru